

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Жив ли бог?

В «Сцене-Молот» состоялась премьера «Пермских богов» Дмитрия Волкострелова

Юлия Баталина

Удивительно, но скромнейший, интеллигентнейший, тишайший спектакль «Пермские боги» на малой сцене Театра-Театра вызвал страстную зрительскую полемику в соцсетях. Причина, думается, в том, что спектакль — совершенно не то, чего ждёшь от зрелища с таким названием.

Весь смысл «Пермских богов», поставленных в «Сцене-Молот» Дмитрием Волкостреловым, укладывается в первых и последних словах, произносимых со сцены, — в стихотворении Иосифа Бродского «В деревне бог живёт не по углам...» и фразе из анонимного интервью: «А боги меня, в общем, не волнуют».

Действительно, волнует автора спектакля не сама по себе пермская деревянная скульптура, а то, где живёт бог в деревне. Это очень личное, очень прочувствованное путешествие в поисках духовной родины, тонкое исследование уходящей реальности — той, откуда родом пермские деревянные боги и, между прочим, предки Дмитрия Волкострелова, мама которого родом из деревни в Осинском районе.

Герои спектакля — просто люди. Просто жители средней прикамской деревни. Жанр того, что происходит на сцене, можно обозначить как «Времена года»: живописные циклы с таким названием в эпоху Возрождения посвящались крестьянскому труду и сезонным работам, и действие «Пермских богов» тоже об этом — о повседневной жизни деревенского жителя зимой, весной, летом и осенью. Рыбалки, сенокосы, заготовки солений на зиму, лепка пельменей, неспешное чаепитие, вязка носков... У Вивальди «Времена года» начинаются весной и кончаются осенью, но у нас — другие широты, здесь круговорот начинается зимой и зимой же завершается.

Реальность, к которой обращается Волкострелов, — вовсе не этнографическая. Это деревня с цинковыми вёдрами, ситечками для чая и сияющими новыми галошами. Это, может быть, вовсе и не деревня, а деревянный город — помните, у Городницкого? «А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы...» Деревянный город — такой была Пермь совсем недавно, лет 50 назад. Я сама в то время жила в деревянном доме в микрорайоне с символическим названием Новая деревня, и мои родители и бабушка с дедом воду носили на коромысле из колонки, капусту на пирожки и мясо на пельмени рубили в деревянном корыте сечкой, а репчатый лук на зиму подвешивали в чул-

ке. Сечка с корытом и чулки с луком, как и многие другие приметы прикамского деревенского быта, сохранились и позже, когда мы переехали в хрущёвку.

Извините за лирическое отступление, но Дмитрий Волкострелов обращается именно к этому — к пермскости каждого из нас, к личному зрительскому опыту пермской жизни, и, если опыт этот достаточно осмыслен и отрефлексирован, на спектакль невозможно не откликнуться эмоционально. Именно поэтому многие зрители начинают искать в действии этнографические неточности и горячо упрекать в них автора: и лыжи-то охотничьи не тем подбиты, и яблоки-то на полатах не хранят, и литовку не так правят... Возмущённая реакция на ошибки в деталях — верный признак того, что задело за живое.

Между тем самое поразительное качество «Пермских богов» — это правдивость, дотошная, почти маниакальная документальность. Тексты, которые произносятся со сцены, — это записи в книге отзывов Пермской художественной галереи и фрагменты из импровизированных интервью со случайными людьми, которые записывали актёры, занятые в постановке, — Екатерина Вожакова, Кристина Мударисова, Екатерина Мудрая, Марк Букин, Алексей Каракулов и Дмитрий Курочкин. Актёры, ставшие благодаря этой работе соавторами спектакля, расспрашивали знакомых и незнакомых о жизни в Перми и получали рассказы о задержке зарплат на заводе, о трудностях перемещения по холмам и оврагам зимой, о пьянстве соседей — о чём угодно.

Ещё в спектакле много стихов — не каких-то эксклюзивных, редких, а, напротив, очень известных — Пастернака, Бродского, Тарковского... В контексте «Пермских богов» они звучат не как

красивые тексты для декламации, а просто как чистый, оголённый смысл:

*Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства
И был теперь, как смертные, как мы.*

То, что деревянные боги из коллекции Пермской художественной галереи удивительно похожи на прикамских крестьян, замечают все, все об этом говорят, но Волкострелов нашёл очень верные слова — и, что особо примечательно, ни одного слова не выдумал!

Тексты произносятся одновременно: один артист читает отзывы зрителей галереи, другой в то же самое время — стихи, а третий — фрагменты интервью. Получается звуковой микс, который сначала очень некомфортно слушать и трудно воспринимать, но постепенно понимаешь, что речь артистов идеально выверена по громкости и тщательно отрепетирована, так что главные слова и фразы вполне слышны. Остальное сливается в разговорный фон — совсем как в жизни.

Материальная среда спектакля тоже строго документальная, невыдуманная: художник-постановщик Ксения Перетрухина всю сценографию построила на объектах реди-мейд. Она — выдающийся мастер такого подхода, в чём могли убедиться, например, зрители оперы Монтеверди «Орфей» в постановке Георгия Исаакяна в Детском музыкальном театре им. Наталии Сац: там художница погрузила действие в среду 1970-х годов. Здесь же — подлинные предметы быта прикамских деревень, в которых этнографические прялки, сундуки и резные наличники действительно прекрасно уживаются с новенькими цинковыми тазиками и эмалированными чайниками.

На протяжении всего спектакля актёры перемещаются строго по половицам,

не ступая за их пределы. Правильно! Это ведь тротуар — в прикамских деревнях, как в песне Городницкого, они действительно до сих пор деревянные и скрипят, как половицы. Не стоит ступать за их пределы — там грязь.

Звуковой ряд (композитор — Дмитрий Власик) тоже вписывается в концепцию «невыдуманной реальности»: он состоит из криков птиц, шума ветра, позвякивания металла, постукивания дерева... Может, это калитка приоткрылась и брякает, а может, форточка?

При всём том никак не упрекнёшь Дмитрия Волкострелова с соавторами в том, что их спектакль слишком жизнеподобен, потому что он весь — инсказание, почти притча, а всё, что видно на сцене и слышно со сцены, очень красиво, эстетизированно и стильно. Это, конечно, парадокс: ничего выдуманного, ничего специально сделанного, бутафорского, и в то же время столько красоты, сколько в жизни никогда не бывает!

В том-то и суть, что Волкострелов говорит не о жизни как таковой, а о красоте этой жизни, невидимой невооружённым глазом. Зрительский глаз вооружён: он смотрит через лупу искусства и где-то там, между старыми деревянными половицами, чугунками с картошкой и стремянками, ведущими на полаты, видит пермских богов.

Потому что «в деревне бог живёт не по углам», где висят иконы.

*В деревне он — в избытке. В чугунах
он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу...*

При таком подходе к теме пермских богов и богов вообще фото Валерия Заровнянных с изображениями предметов пермской деревянной скульптуры, украшающие стены «Сцены-Молот», совсем не обязательны; но сами по себе они, конечно, прекрасны.

ФОТО ИЛЬЯ РАДЧЕНКО

